

На правах рукописи

Ибрагимова Лейсан Галияхматовна

**Модернизм в татарской и русской прозе 1900 – 1920-х гг.:
проблемы поэтики**

10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(татарская литература)

10.01.08 – Теория литературы. Текстология

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Казань – 2014

Работа выполнена на кафедрах татарской литературы и методики преподавания отделения татарской филологии им. Г.Тукая, русской литературы и методики преподавания отделения русской и зарубежной филологии им. Л.Н. Толстого Института филологии и межкультурной коммуникации ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель –

Аминева Венера Рудалевна

доктор филологических наук, доцент

Официальные оппоненты:

Рамеев Зуфар Зайниевич

доктор филологических наук, главный научный сотрудник Центра письменного и музыкального наследия ИЯЛИ АН РТ, 10.01.02 (г. Казань)

Никитина Ольга Эдуардовна

кандидат филологических наук, преподаватель ГБОУ СПО ТО «Тверской колледж культуры имени Н.А.Львова», 10.01.08 (г. Тверь)

Ведущая организация -

Институт мировой литературы им. А.М.Горького Российской Академии наук (г. Москва)

Защита состоится **«27» ноября 2014 г. в 16.00 часов** на заседании диссертационного совета Д 212.081.12 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 420021, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Татарстан, д. 2, ауд. 207.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Электронная версия автореферата размещена на официальных сайтах ВАК Министерства образования и науки РФ и ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет». Режим доступа: <http://www.kpfu.ru>

Автореферат разослан «__» _____ 2014 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук, доцент

А.Ф. Юсупов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. В современном литературоведении модернизм исследуется учеными в разных аспектах: с точки зрения предпосылок возникновения, принципов литературного творчества в теоретических и практических воплощениях, проблем поэтики. В русской литературе возникновение модернизма, как свидетельствуют исследования М.М.Бахтина, В.В.Заманской, С.Н.Бройтмана, Я.И.Кабановой, В.А.Сарычева, В.Е.Хализева, Н.Л.Лейдермана, М.Н.Липовецкого, Л.А.Колобаевой, В.П.Руднева, З.Г.Минц, И.П.Смирнова и др., является закономерностью литературного развития XX века, результатом внутренних имманентных тенденций историко-литературного процесса: «неизмеримо возрастает роль индивидуальности, особое значение автора как самоценного творческого сознания, создающего свой собственный и всегда единственный художественный мир»¹. Модернизм как комплексное направление культурного развития XX века, конкретно-исторический этап в развитии искусства, оценивающийся как начало усовершенствования, модернизации, трансформации его художественно-стилевых приемов, вполне органичное для русской культуры и литературы явление.

Актуальность темы исследования обусловлена, во-первых, дискуссионностью проблемы модернизма в татарской литературе XX в. В татарском литературоведении ведутся споры о временных границах модернизма, условиях его возникновения, о его художественно-эстетической природе, и, наконец, о правомерности выделения среди разнородных литературных явлений модернизма как самостоятельного литературного течения. Понятие «модернизм» долгое время расценивалось как «чужое», а произведения писателей-модернистов воспринимались через призму таких направлений, как реализм и романтизм, интерпретировались как ориентированные на решение актуальных социальных проблем. «Термин “модернизм” был воспринят в рамках национальной культуры как явление, чуждое для татарской литературы, не претендующее на выделение его как универсального явления <...>»² (перевод наш). Высказываются разные, порой противоположные точки зрения по вопросу о существовании модернизма в татарской литературе этого периода и его эстетической ценности.

Во-вторых, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью определить художественно-эстетическую сущность модернизма в татарской литературе начала XX в., его философские и литературно-эстетические истоки, типологические черты, раскрыть содержание понятия модернистского художественного сознания применительно к татарской литературе, смыслопорождающие механизмы

¹ Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. - М.: Изд-во «Флинта»: Изд-во «Наука», 2002. - С. 16.

² Заһидуллина Д.Ф. Модернизм һәм XX йөз башы татар прозасы. - Казан: Татар. кит. нәшр., 2003. - Б. 9.

модернистской культуры, ее эволюцию, отличие от модернизма в русской литературе, содержание понятия «национальная традиция» применительно к новой художественной эпохе. Особую значимость приобретает и разработка методики анализа модернистских текстов, учитывающей взаимодействие и взаимодополнительность универсальных и уникальных механизмов смыслообразования в художественном тексте.

Степень изученности темы. Исследование феномена модернизма сводится к изучению его с точки зрения генезиса, типологии, эстетической специфики, особенностей функционирования, соотношения с немодернистскими течениями, а также характеризуется стремлением выявить мировоззренческие основания и характерные черты модернистского искусства. В исследовании поэтики модернистских текстов применяются методики системно-структурного, семиотического, нарратологического, типологического, функционального, интертекстуального, мифопоэтического анализа, элементы лингвистического, текстоведческого, психосемантического и других междисциплинарных подходов. В трудах ученых (Н.Л.Лейдермана³, И.П.Смирнова⁴, Я.И.Кабановой⁵, З.Г.Минц⁶, В.П.Руднева⁷ и др.) выявлены основные параметры модернистской поэтики, претендующие на универсальность. Существуют монографические исследования, посвященные символизму, акмеизму, футуризму, экспрессионизму, творчеству крупнейших представителей этих художественных течений.

В татарском литературоведении модернизм также представляет собой предмет серьезного и глубокого исследования ученых. Первичное осмысление модернистских исканий в татарском искусстве происходит в 1920-30-х гг., когда складывается тенденция рассматривать модернистские явления в татарской литературе как средство обогащения романтических и реалистических произведений. Принципиальное значение в этом плане имеют труды Г.Сагди⁸ и Г.Нигмати⁹.

Конец XX века в татарской науке характеризуется активными поисками методологии, формированием различных идейно-эстетических взглядов, изменением парадигм. Открытие новых фактов, свидетельствующих о существовании в татарской литературе начала XX века «чисто модернистских» произведений (Д.Ф.Загидуллина), публикация произведений Дардмэнда, Г.Рахима, М.Ханафи, А.Тангатарова и др., чьи

³ Русская литература XX века: 1917-1920-е годы : в 2 кн. : Кн. 2 : учеб. пособие для студ. учреждений высш. проф. об-разования / [Н.Л.Лейдерман, Н.В.Барковская, И.Е.Васильев и др.]; под ред. Н.Л.Лейдермана. - М.: Издательский центр «Академия», 2012. - 544 с.

⁴ Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М.: - Аграф, 2000. - 544 с.

⁵ Кабанова Я.И. Русский модернизм: выход за пределы культуры как своего объекта // Фундаментальные проблемы культурологии: Том 7: Культурное многообразие: теории и стратегии. - М.; СПб.: Новый хронограф : Эйдос, 2009. - С. 171-177.

⁶ Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в прозе русских символистов // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 459. Творчество А.Блока и русская культура XX века. - Тарту, 1979. - С. 76-121

⁷ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. М.: Аграф, 1999. - 384 с.

⁸ Сәгъди Г. Символизм турында /Г.Сәгъди. - М. : Центриздат, 1932. – 135 б.

⁹ Нигъмәти Г. Әдәбият майданында/Г. Нигъмәти. – М. : СССР халыкларының үзәк нәшр., 1925. – 111 б.

имена в свое время по различным идеологическим причинам были вычеркнуты из истории литературы, требуют нового взгляда на литературный процесс XX века, переосмысления традиционных представлений.

Труды Г.Халита, Р.Ганиевой, И.Нуруллина, А.Саяповой, Ч.Зариповой-Четин и др. показывают, что в татарской литературе начала XX века модернизм не успел сформироваться как целостное литературное направление, тем не менее, татарские писатели довольно полно и успешно освоили его отдельные приемы.

Работы Ю.Г.Нигматуллиной¹⁰, Д.Ф.Загидуллиной¹¹, Т.И.Мирсияповой¹² и других ученых демонстрируют наличие в татарской литературе произведений, которые не укладываются в привычные рамки реализма и романтизма. Предметом анализа в монографии Ю.Г.Нигматуллиной стали татарская литература и изобразительное искусство конца XX в. Для определения специфики модернизма в татарском искусстве Ю.Г.Нигматуллина вводит понятие «запоздалый модернизм» – таковым он воспринимается по сравнению с русским и европейским модернизмом. В качестве инвариантных признаков «запоздалого модернизма» как метода выделяются следующие черты: во-первых, тенденция к условному, знаково-символическому выражению авторской концепции, что обеспечивает емкость художественного обобщения и «игру» смыслов; во-вторых, построение произведения на основе функциональных связей, доминирование которых в тексте расширяет возможности характерного для модернизма ассоциативного мышления. По мнению автора, формирование модернизма в татарской литературе происходит в последнюю треть XX в. «Запоздание» модернизма ученый связывает с типологическими особенностями развития татарской культуры в этот период. Татарская литература начала XX в., по характеристике Ю.Г.Нигматуллиной, отличается разнородностью, асимметричностью, динамизмом: в ней развиваются различные творческие методы, стили, жанры. Но, в отличие от многослойной русской литературы 1-й трети XX в., в татарской литературе доминировал «романтизм идей»¹³, порожденный национально-освободительным движением татарского народа. Опираясь на концепцию Ю.Лотмана о культуре как семиотической системе, Ю.Г.Нигматуллина определяет «пространство» и «время» татарского модернизма в системе русских и западноевропейских авангардистских течений: «Татарский модернизм конца

¹⁰ Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. – Казань: Фэн, 2002. – 176 с.

¹¹ Загидуллина Д. Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века / Д. Ф. Загидуллина. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – 207 с.

¹² Мирсияпова Т. И. Экзистенциальные мотивы в творчестве М.Ханафи: автореф. дис. ...канд. филол. наук / Т. И. Мирсияпова. – Казань, 2009. – 26 с.

¹³ Подробно понятие «романтизм идей» рассмотрено в главе I.2. Системообразующие принципы модернизма в татарской литературе 1-й трети XX в.

XX столетия – явление периферийное по отношению к «ядру» модернизма, сложившемуся в начале века в европейском искусстве»¹⁴.

В монографии Д.Ф.Загидуллиной доказано, что в татарской литературе начала XX в. появляются модернистские направления, формируется качественно новый тип художественного мышления. Выяснены причины, стимулирующие их развитие. В результате проникновения различных философских концепций И.Канта, Ф.Ницше, А.Шопенгауэра, Вл.Соловьёва наблюдается распад прежней, восходящей к мусульманскому мировоззрению, картины мира. Активизируется поиск новых путей развития, наблюдается ассимиляция некогда чуждых культуре ценностей. Так, в начале XX в. татарские писатели (Г.Рахим, М.Ханафи, Ф.Амирхан, М.Гафури, Ш.Ахмадиев, А.Тангатаров и др.) интересовались новыми веяниями, в частности, философией экзистенциализма, символизмом, импрессионизмом, стремились к психологическому обогащению художественного образа, поэтому их обращение к модернистским системам, ориентированным на самовыражение человека, его чувственного мира, было закономерным.

Наряду с работами, посвященными проблемам модернизма как идейно-художественному феномену в татарской литературе, данная тема разрабатывается в рамках исследования творчества отдельных писателей. Изучению историко-литературного процесса начала XX в. посвящена монография А.М.Саяповой «Дардменд и проблема символизма в татарской литературе», в которой творчество поэта рассматривается с точки зрения характерных для символизма принципов художественного изображения. Ученый включает поэзию Дардменда в контекст литературных направлений и течений начала XX в. и приходит к выводу, что анализ творчества татарского поэта требует обращения к философско-эстетической концепции символизма, что позволяет расшифровать строки его стихотворений, наполняя их как философским, так и эстетическим содержанием¹⁵. Главные задачи своей работы ученый видит в том, чтобы определить тип художественного мышления Дардменда, выражающегося в символах, философемах, мифологемах; выделить в творчестве поэта черты суфийского символизма; выявить характер символа в его художественно-эстетической системе¹⁶.

Р.К.Ганиева в статье «Художественные поиски Фатиха Амирхана» анализирует творчество Ф.Амирхана как писателя, художественные искания которого трудно вместить лишь в рамки реалистических принципов изображения действительности. По мнению исследователя, писатель «выступал как неутомимый и талантливый экспериментатор различных модернистских течений – акмеизма, импрессионизма, экспрессионизма и

¹⁴ Нигматуллина Ю.Г. «Запоздалый модернизм» в татарской литературе и изобразительном искусстве. - Казань: Фэн, 2002. - С. 18.

¹⁵ Саяпова А.М. Дардменд и проблема символизма в татарской литературе. – Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2006. – С. 8.

¹⁶ Там же. - С. 13.

др.»¹⁷. Ярким примером творческого экспериментаторства писателя является рассказ «Татарка» (1909), синтезирующий в себе различные приемы модернистской поэтики.

Ч.Зарипова-Четин в монографии «Проблема демонизма в творчестве С.Рамиева в контексте восточно-европейской эстетики», обращаясь к творчеству Бальмонта и Рамиева, подчеркивает близость типов мышления поэтов¹⁸. Она обнаруживает сходные экзистенциальные темы и мотивы, используемые поэтами, - мотив разочарования и обреченности, пессимизма и отрешенности, ухода от мира, одиночества.

В исследованиях О.Х.Кадырова¹⁹, В.Р.Аминева²⁰, В.Ф.Макаровой²¹ представлен анализ наиболее значительных произведений Ф.Амирхана, Г.Исхаки, Г.Ибрагимова, в которых проявляется неклассическая картина мира. Экзистенциальные мотивы в творчестве М.Ханафи - предмет исследования Т.И.Мирсияповой. В результате анализа семантической структуры образов и мотивов, в которых наиболее ярко обнаруживается экзистенциальный смысл запечатленных в произведениях писателя переживаний, Т.И.Мирсияпова показывает закрепление универсальной экзистенциальной проблематики в системе архетипических, традиционных и индивидуально-авторских категорий. А.М.Хасанова исследует творчество А.Тангатарова в контексте философии экзистенциализма. Ученый приходит к выводу, что «способный переживать широкую палитру эмоций философ-герой изображается в состоянии поиска, перехода, писатель ставит в центр его внутреннее изменение, процесс постижения им законов Бытия»²².

Объектом исследования выступили художественные произведения русских и татарских писателей 1900-1920-х годов (Г.Рахима, М.Ханафи, А. Тангатарова, Ф.Амирхана, Ш.Камала, Ш.Ахмадиева, Г.Губайдуллина, Ф. Валиева, М.Гафури и А.Белого, И.Бунина, Л.Андреева и др.).

Произведения Г.Рахима, Ф.Амирхана, Ш.Камала, в которых проявляются модернистские принципы и приемы поэтики, были предметом анализа в монографии В.Р.Аминева, в которой исследуются типы диалогических отношений между национальными литературами на

¹⁷ Ганиева Р.К. Художественные поиски Фатиха Амирхана // Ганиева Р.К. Татарская литература: традиции, взаимосвязи. – Казань: Изд-во КГУ, 2002. – С. 92-93.

¹⁸ Зарипова-Четин Ч. «Проблема демонизма в творчестве С.Рамиева в контексте восточно-европейской эстетики». – Казань: «Мастер Лайн», 2003. – С. 82.

¹⁹ Кадыров О.Х. Роль Л.Н.Толстого в становлении и развитии татарской реалистической литературы: дис. ... д-ра филол. наук. - Казань, 1996. – 330 с. В 2-х кн.: кн. 1: Дис.; кн. 2: Прил.: Толстой Л.Н. в советский период. – 176 с.

²⁰ Аминева В.Р.. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на материале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.

²¹ Макарова В.Ф. Комическое в татарской прозе XX века. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. - Казань, 2014 – 52 с.

²² Хасанова А.М. Творчество Ахнафа Тангатарова: жанровые и художественные особенности: автореф. дис. ...канд. филол. наук/А.М.Хасанова. – Казань, 2011. – 24 с.

материале произведений русских писателей 2-й половины XIX в. и татарских прозаиков 1-й трети XX в.

Новизна нашей работы состоит в том, что типы диалогических отношений между русской и татарской литературами рассматриваются на другом историко-литературном материале: мы обращаемся к произведениям русских писателей 1900-1920-х гг. и татарских прозаиков 1-й трети XX в., не ставших предметом текстуального анализа в монографии В.Р.Аминовой: (Ш.Ахмадиева «Кеше», «Балалык вакытым», Г.Рахима «Серле-серле экият», Г.Губайдуллина «Экиятләр дән берсе», А.Тангатарова «Онытылдым», «Өмет алдында», «Хәят мәжһүл», «Ни ул?», М.Ханафи «Гакылсызлыктан...», «Чишмә һәм жәллаб», «Айсылу», «Мин төш күрдем», «Тегеннән», «Кайдан? Кайда?», Н.Думаevi «Яшь ана» и др. и А.Белого «Петербург», Л.Андреева «Город», «Жизнь человека», «Мысль» и др., И.Бунина «Пост», «Цифры», «Старая песня», «Жизнь Арсеньева», «Сны» и др.).

Предмет исследования - нетрадиционная концепция мира и человека и характерные для нее приемы поэтики в татарской литературе 1-й трети XX в. Предполагается определение национальной специфики модернизма в татарской литературе в процессе сопоставления с модернизмом в русской литературе этого же периода: характеристика его системообразующих принципов, типологических разновидностей, анализ структурно-содержательных особенностей модернистских произведений.

Целью диссертационной работы является выявление художественно-эстетической природы модернизма в татарской прозе 1900-1920-х гг.

Для достижения поставленной цели нами решается ряд **задач**:

- сопоставить содержание и объем понятия «модернизм» в русской и татарской литературе XX в.;
- выявить структурно-содержательные особенности модернистских произведений: своеобразие субъектной сферы; сюжетообразующие закономерности, пространственно-временные отношения, запечатленные в тексте, принципы и приемы психологического изображения, художественно-стилистические черты и др.;
- определить специфику символа, его структурно-содержательные особенности и закономерности функционирования в произведениях русских и татарских модернистов;
- проанализировать формы взаимодействия принципов художественного изображения, восходящих к различным художественным системам (романтизму, реализму, модернизму) и охарактеризовать способы внутритекстовой синтеза.

Научная новизна работы. Содержание и объем понятия модернизм в татарской прозе 1-й трети XX в. впервые определяется в процессе сопоставления с произведениями русских модернистов. Установлено, что новый порождающий художественный принцип, трансформирующий поэтику, характерную для традиционалистского типа художественного сознания, проявляется во всех архитектурных формах эстетического

объекта: в субъектной сфере произведений, в принципах и приемах художественного обобщения, методах психологического изображения, в особенностях жанрово-композиционной структуры текста. Механизмы перехода от «классической» картины мира к «неклассической» в разных национальных литературах впервые определяются с опорой на типологию культур.

Анализ структурно-содержательных особенностей прозаических произведений татарских писателей 1-й трети XX в., как уже рассматривавшихся в литературоведении в рамках реалистического или романтического методов, так и только вводимых в научный оборот (произведения М.Ханафи, Ф.Валиева, А.Тангатарова, Ш.Ахмадиева, Г.Губайдуллина, Г.Рахима и др.), позволяет зафиксировать существование в литературном процессе этого периода различных литературных и художественно-эстетических позиций. Это дает возможность пересмотреть устоявшиеся взгляды на структуру и динамику национальных литературно-художественных систем, логику художественных изменений. На основе проведенного исследования сделан вывод, что парадигму художественной культуры этого периода определяют два фактора: эстетическая многослойность историко-литературного процесса, в котором модернизм может быть выделен в качестве самостоятельного литературного течения, и явление синтетизма, проявляющегося во взаимодействии романтических и реалистических принципов и приемов художественного изображения с модернистскими.

Сопоставление модернизма в русской и татарской литературах способствует постижению интегративных процессов в сопоставляемых литературах, механизмов взаимодействия универсального и уникального, позволяет показать переход от регионального к национальному, от сходств к различиям.

Теоретическая и методологическая основа. Существенное значение имеют для нас исследования Г.Сагди, Г.Халита, Д.Ф.Загидуллиной, Ю.Г.Нигматуллиной, Р.К.Ганиевой, А.М.Саяповой, В.Р.Аминовой и др., в которых татарская литература 1-й трети XX в. рассматривается как эстетическое явление с многослойной структурой: в ней сосуществуют и взаимодействуют различные творческие методы; писатели занимают разнообразные художественные позиции, проводят эксперименты в области формы, опираясь на национальные традиции, включая новые художественные ценности в ее систему.

В процессе изучения русской литературы накоплен большой материал сопоставлений и обобщений разного характера и уровня. Мы опираемся на исследования, посвященные русскому модернизму XX в., на работы, запечатлевшие диалог между реализмом и модернизмом: С.Н.Бройтмана, В.Е.Хализева, Н.Л.Лейдермана, И.П.Смирнова, В.А.Келдыша, Л.А.Колобаевой, В.В.Заманской, Я.И.Кабановой, З.Г.Минц, В.П.Руднева, Л.Долгополова, Е.М.Болдыревой, Л.Я.Гинзбург, М.М.Голубкова и др.

В своей работе мы ориентируемся на исследования отечественных и зарубежных востоковедов, в которых раскрываются основные черты арабомусульманской культуры (Г.Э. фон Грюнебаума, Л.Масиньона, Т.К. Ибрагима, М.Т.Степанянц, А.В.Смирнова и др.); определяются характерные для нее механизмы порождения смысла (А.В.Смирнов); выявляется специфика восприятия мира (труды А.Б.Куделина, Н.И.Пригариной, Ш.М.Шукурова и др.).

Методы и приемы исследования. В решении поставленных задач использован *системно-структурный метод*, который реализуется в подходе к анализу отдельного произведения, творчества писателя, историко-литературного процесса как к художественным системам, структурно организованным законами метода, жанра и стиля.

Кроме того, в процессе работы был востребован *нарратологический подход* к анализу текста. Этот способ сегментации важен для изучения разноуровневых повествовательных инстанций наррации и предполагает характеристику нарратора по способу изображения (эксплицитный или имплицитный), степени выявленности, личностности, антропоморфности, гомогенности и другим критериям, которые выделены и систематизированы В.Шмидом. Существенный аспект нарратологического анализа - определение способов повествования. Организация субъектной сферы произведения является достаточно представительной «иллюстрацией» действия глубинных механизмов, определяющих универсальные и уникальные свойства сопоставляемых национальных литератур.

Решение поставленных задач было осуществлено также с помощью различных типов *сравнительных методов*: сравнительно-исторического, сравнительно-типологического, сравнения по аналогии, сопоставление. Отбор материала для сравнительного анализа осуществляется на основе теоретических представлений о характере изучаемых литературных эпох. Одной из задач сравнительно-исторических исследований является раскрытие национального своеобразия литератур. В связи с этим особое значение приобретают методы и приемы выявления национальной специфики текста.

Также был востребован и метод *литературоведческой герменевтики*. Иная национальная литература выступает в качестве интерпретационного приема, своеобразного диалогизирующего фона восприятия художественных текстов.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Новые философско-эстетические и литературно-художественные явления и процессы, возникающие в татарской литературе 1-й трети XX в., могут быть осмыслены с помощью категорий «классическая», «традиционная» и «неклассическая», «нетрадиционная» картины мира; механизмы перехода от старого к новому - с помощью «цивилизационного» и «культурологического» подходов.

2. Художественно-эстетическая природа и характер новых явлений в национальном историко-литературном процессе 1900-1920-х гг. могут быть объяснены с помощью понятий диалога татарской литературы с западноевропейским и русским искусством, а также западно-восточного синтеза.

3. Модернизм как литературное направление и метод в русской литературе в отечественной науке определяется через противопоставление реалистических и нереалистических эстетических систем (В.А.Келдыш, Л.Я.Гинзбург, Л.А.Колобаева, М.М.Голубков и др.), «первичных» и «вторичных» стилей (Д.С.Лихачев), «первичных» и «вторичных» художественных систем (И.П.Смирнов). В татарском литературоведении проявляется иная тенденция – предпринимаются попытки обозначить границы модернистских и романтических произведений.

4. Модернизм в татарской литературе 1-й трети XX в. проявляется как самостоятельное явление, репрезентирующее неклассическую картину мира (творчество М.Ханафи, А.Тангатарова, Ш.Ахмадиева, Г.Рахима, Г.Губайдуллина, некоторые произведения Ф.Амирхана, М.Гафури, и др.), так и как элемент поэтики романтических и реалистических произведений (в творчестве Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова, Ш.Камала и др.). Синтез принципов и приемов реалистической и модернистской поэтики в литературе начала XX в. осуществляется на уровне субъектной архитектоники произведений; изображения психологических первооснов человека, раскрывающихся в пограничных ситуациях; сюжета, имеющего два плана – явный и скрытый, иносказательный.

5. Своеобразие модернизма в татарской литературе определяют произведения, в которых проявляется экзистенциальный тип художественного сознания. Он воплощается на разных уровнях идейно-художественного содержания произведения, отражая специфику ментальности автора, уникальность его творческого метода и стиля. Экзистенциальный компонент сознания реализуется на уровне поэтики текста в следующих особенностях художественной формы – фрагментарность и монтажность композиции, обращение к приему «потока сознания», распространенность притчевых жанровых образований, активизация лирических структур, риторико-публицистического начала в речи автора-повествователя и др.

6. Системообразующие принципы модернизма в татарской литературе 1900-1920-х гг. проявляются наиболее наглядно в организации субъектной сферы произведений. Субъектным метаморфозам в произведениях русских модернистов (А.Белого, Ф.Сологуба) в произведениях татарских писателей этого периода (А.Тангатарова, М.Ханафи, Г.Рахима и др.) соответствует ориентированность на идентификацию и эмпатию как своеобразный удвоенный процесс взаимных отражений, содержанием которого является воспроизведение внутреннего мира «я» и «другого» в их одинаковой причастности Богу и миру.

7. Художественная система модернистских произведений вырастает на путях перекодировки в свете актуальных для татарских писателей идей и концепций, широко разработанных предшествующей традицией образов, символов и мотивов.

Теоретическая значимость работы. Исследование модернизма в татарской прозе 1-й трети XX в., имеющего свои философские и литературно-эстетические истоки, проявляющегося в разных формах литературного творчества и определяющего парадигму художественной культуры этого периода, может служить основой для уточнения и конкретизации таких понятий, как «художественная система», «литературное направление», «течение», «метод», «историко-литературный период» применительно к национальному историко-литературному процессу.

Выявлен эпистемологический потенциал понятий «классическая», «традиционная», «неклассическая», «нетрадиционная» картины мира, «западно-восточный синтез» как категорий, формирующих специфически художественную разновидность исторически складывающегося типа общественного сознания и деятельности, обладающую своими содержательными компонентами и особенностями художественной формы.

Практическое значение исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при определении содержания и объема понятий «модернизм», «неклассическая картина мира», «синтетизм» как явлений национального историко-литературного процесса; при создании истории русско-татарских литературных связей.

В диссертации выработан исследовательский инструментарий для анализа произведений, как репрезентирующих нетрадиционную картину мира, так и синтезирующих элементы различных художественных систем, который может быть применен к исследованию модернизма в других национальных литературах.

Практическая значимость диссертации заключается и в возможности использования основных ее положений в курсах по истории и теории литературы, в чтении спецкурсов и спецдисциплин по татарской литературе начала XX в., при составлении программ и учебников по татарской литературе.

Апробация результатов. Основные положения и результаты исследования отражены в статьях, опубликованных в научных изданиях «Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова» (2014), «Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского государственного университета» (2012), в журналах «Филологические науки. Вопросы теории и практики» (Тамбов, 2014), «Филология и культура Казанского федерального университета» (2013, 2014), «Научный Татарстан» (2012, 2013), а также озвучены в докладах и выступлениях на ежегодных итоговых научно-практических конференциях в КФУ, КГМУ. По теме диссертации опубликовано 15 работ.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав с соответствующими параграфами и разделами, заключения, списка использованных источников и научной литературы.

Основное содержание работы

Во **Введении** обосновываются актуальность и научная новизна исследования, оценивается разработанность исследуемой проблемы, формулируются объект и предмет изучения, цель и задачи исследования, определяются методологические установки научной работы, обосновывается ее теоретическая и практическая значимость, указываются источники исследования, структура диссертации.

Первая глава «**«Модернизм» как явление историко-культурного процесса**» состоит из двух параграфов. В разделе «**Модернизм в историко-литературных и культурологических интерпретациях**» сопоставляются содержание и объем понятия «модернизм» применительно к русской и татарской литературам 1900-1920-х гг.

В разделе выделены основные подходы к изучению поэтики модернизма, сложившиеся в литературоведении: структурный анализ, мотивный анализ, семиотический подход, эстетический (дискурсивный) анализ, психоаналитический подход.

Модернизм в русской литературе представляется изученным в разных аспектах. Существует ряд исследований (например, В.Е.Хализева, Н.Л.Лейдермана, М.Н.Липовецкого и др.), в которых сущность явления, обозначаемого понятием «модернизм», раскрывается через сопоставление классической и неклассической картин мира.

В русском литературоведении модернизм исследуется как особый тип мышления. Культурологи и философы рассматривают рубеж XIX-XX вв. как период усиления иррациональных, мистических тенденций, ощущения некоего катастрофизма времени, завершенности культуры, подведения итогов, во многом неутешительных выводов и поиска новой философии жизни, новых духовных ориентиров. Исследователи (Л.А.Колобаева²³, Я.И.Кабанова²⁴, З.Г.Минц²⁵ и др.) отмечают, что мир понимается модернистами как постоянно развивающийся, преодолевающий прежние состояния, отрицающий строгий детерминизм, на котором настаивала рационалистическая концепция мира.

Семиотический подход к анализу семантики, синтактики и прагматики модернистских текстов представлен в работах В.П.Руднева²⁶, посвященных новаторской прозе модернизма как «искусству предложения», а также в

²³ Колобаева Л.А. Концепция личности в русской литературе рубежа XIX-XX вв. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 336 с.

²⁴ Кabanова Я. И. Русский модернизм: выход за пределы культуры как своего объекта/ Я. И. Кabanова // Фундаментальные проблемы культурологии: Том 7: Культурное многообразие: теории и стратегии. – М.; СПб.: Новый хронограф, Эйдос, 2009. – С. 171 - 177.

²⁵ Минц З.Г. О некоторых «неомифологических» текстах в прозе русских символистов // Учен. зап. Тартуского ун-та. Вып. 459. Творчество А.Блока и русская культура XX века. – Тарту, 1979. – С. 76-121

²⁶ Руднев В.П. Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1999. – 384 с.

исследованиях И.П.Смирнова²⁷, рассматривающего модернистское творчество как катахрестическое искусство (в планах семантики, синтактики и прагматики).

В татарском обществе разговор о модернизме возникает в контексте размышлений о перспективах развития национальной культуры. И в этом плане модернизм, по определению Д.Ф.Загидуллиной²⁸, отвергая привычные приемы и методы в литературе, призван дать толчок к совершенствованию и переменам в общественно-философской, эстетической, научной мысли.

Предпринимается попытка объяснить механизмы перехода от старого к новому с помощью «цивилизационного» и «культурологического» подходов. Татарская литература до XIX в. развивалась в рамках адаптивного типа культуры, причем процессы усвоения и адаптации носили, главным образом, экстравертивный характер, ибо контакты «происходили между культурами, относящимися к одной цивилизации (арабо-мусульманской), но развивающимися в разных государственных образованиях»²⁹. С начала XIX в., как показывает труды литературоведов, в развитии татарской культуры намечаются новые тенденции – усиливается влияние западноевропейской и русской культур, что приводит к «существенному изменению характера содержания и структуры татарской литературы»³⁰.

Мы пришли к выводу, что понятие «модернизм» применительно к национальному историко-литературному процессу функционирует в двух значениях: в широком смысле слова как нетрадиционное искусство, которое формируется под влиянием нового порождающего принципа – «художественной модальности», и в узком смысле – как течение в искусстве, которое опирается на определенные философско-эстетические концепции начала XX в. (Шопенгауэра, Ницше, Бергсона, В.Соловьева) и отражает новый взгляд на мир и на человека. В то же время эксперименты в области формы и стиля, поиски новых художественных средств и приемов не означают отказа от традиций. Содержательная энергия национального литературно-эстетического развития, определяющая действие центростремительной тенденции в ней, проявляется прежде всего в специфике проявления личного начала в татарской литературе этого периода³¹, процедурах смыслопорождения, характерных для данного типа культуры³².

В исследованиях Г.Халита, Ю.Г.Нигматуллиной, Р.К.Ганиевой и др., посвященных творчеству татарских писателей (Ф.Амирхана, Г.Ибрагимова,

²⁷ Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. – М.: Аграф, 2000. – 544 с.

²⁸ Загидуллина Д.Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – С. 6.

²⁹ Нигматуллина Ю.Г. Типы культур и цивилизаций в историческом развитии татарской и русской литератур. – Казань: «Фэн», 1997. – С. 11.

³⁰ Там же. – С. 13.

³¹ «“Чувство личности” в татарской литературе не было выражено столь остро, как в русской литературе, и имело несколько иное содержание: оно чаще всего выступало как чувство общности личности и нации, личности и народа» (Нигматуллина Ю.Г. Национальное своеобразие эстетического идеала. – Казань, 1970. – С. 55).

³² Смирнов А.В. Арабская традиция // Универсалии восточных культур. – М.: Изд. фирма «Восточная литература», 2001. – С. 346-382.

Г.Исхаки и др.), указывается на тенденцию к западно-восточному синтезу в татарской литературе, проявляющемуся в принципах художественного изображения, конфликте, сюжетном построении, приемах психологизма, смысловой наполненности образов-символов, а также жанровой структуре произведений.

В разделе **«Системообразующие принципы модернизма в татарской литературе 1-й трети XX в.»** исследуются социокультурные предпосылки формирования экзистенциального типа художественного сознания в татарской культуре начала XX в.: динамичное развитие татарской культуры, рост национального самосознания, активизация политической жизни, осознание необходимости модернизации общества и приобщения его к мировым ценностным ориентирам, обращение татарских авторов к актуальным социальным, нравственно-психологическим и философским проблемам.

В параграфе **«Проекции экзистенциального типа сознания в идейно-концептуальную сферу произведений»** прослеживается воплощение экзистенциального типа сознания (компонента сознания) на разных уровнях идейно-художественного содержания произведения. Так, например, центральное внимание в произведениях татарских писателей 1-й трети XX в. занимают ситуации, когда герой находится в «пограничном» положении: между жизнью и смертью, на пороге выбора, в ситуации один на один со смертью и т.д.

В рассказе «Жимерелгән звонок» («Испорченный звонок», 1911) Ш.Камал показывает, что человек, оказавшись в точке между жизнью и смертью, ощутив зыбкую межпространственную и межвременную грань, когда духовная и физическая оболочки находятся в состоянии разъединения, на мгновение наделяется способностью взглянуть на плоды своих деяний со стороны и проникнуть в мир «экзистенции». В этот момент происходит самооткрытие, самосознание, «экзистенциальное» озарение личности. В новелле «Козгыннар оясында» («В вороньем гнезде», 1910) Ш.Камал прослеживает процесс духовного освобождения человека, привыкшего жить по принципу, что всё происходящее – результат Божьей воли, от социальных предрассудков, традиционных этических взглядов. Марьям отказывается от устоявшегося, бездумного проживания жизни и обретает свободу, которая определяется как выбор личностью одной из бесчисленных возможностей. В рассказе «Буранда» («В метель», 1910) момент предсмертной агонии становится той точкой, которая максимально сближает физически удаленных друг от друга близких людей. Мать, переходящая границу между жизнью и смертью, наделяется прозрением, внутренним чутьем. Сын чувствует необычайно тесную связь с матерью на расстоянии, ощущает ее последние предсмертные вздохи. Результатом пережитого катарсиса становится нравственное очищение и духовное обновление героя.

В рассказе Ф.Амирхана «Бер хэрабэдэ...» («Среди развалин...», 1913) посещение героем усадьбы Сулеймана становится моментом познания

сущности бытия: всё в мире, кажущееся на первый взгляд прекрасным, истинным, наделенным красками жизни, лишь иллюзия существования какого-либо смысла вообще. Главный герой приходит к пониманию антитетичности мироздания, выражающейся в рассказе через антиномию прошлого и настоящего, жизни и смерти, процветания и упадка, молодости и старости, красоты и увядания, счастья и иллюзии, любви и одиночества.

Реализация экзистенциального компонента сознания на уровне поэтики текста: в структуре сюжета, на уровне композиции, принципов и приемов изображения, на уровне субъектной архитектоники и жанровой структуры произведения – рассматривается в параграфе **«Структурообразующие элементы экзистенциального типа художественного сознания»**.

Экзистенциальный компонент сознания, прежде всего, реализуется в структуре сюжета. Так, в рассказе М.Ханафи «Чишмә һәм жәллаб» («Родник и змея», 1913) экзистенциальные мотивы жизни и смерти, добра и зла, формируют религиозно-мистический, эсхатологический сюжет. Образ Змеи выявляет диалектическое единство, взаимодополняемость добра и зла. Особое построение сюжета выражает авторский способ постижения действительности, его художественный метод, проникающий за грань видимого и реального. Идея непреклонности судьбы, невозможности изменить то, что предначертано свыше, раскрывает другую идею – об отсутствии в мире абсолютного добра и абсолютного зла.

Экзистенциальный компонент сознания, реализующийся в художественном тексте в виде коммуникативного, структурного и семантического единства, находит свое воплощение и в композиционном строе произведений. Композиция многих произведений Ф.Амирхана, Ш.Ахмадиева, Ф.Валиева, Ш.Камала, Г.Рахима, А.Тангатарова, Г.Губайдуллина и др. выстроена по фрагментарному принципу, отражающему взаимодействие двух тенденций: «завершенности», структурности текстов и в то же время их открытости, незаконченности. Во взаимодействии этих тенденций воплощается идея бесконечности и разнообразия мира, стихийности бытия.

Так, композиционно рассказ А.Тангатарова «Өзелде» («Оборвалось», 1917) состоит из двух фрагментов, отражающих антиномию в герое двух чувств: любви к девушке и долга перед своим народом. В первом фрагменте воспоминания героя о самых прекрасных чувствах сменяются пониманием невозможности счастья и необходимости быть верным собственным представлениям. Душному, статичному пространству первого эпизода, ограниченного границами одной мрачной комнаты, противопоставлено движение ускоряющегося поезда во втором фрагменте. Пространственные антитезы подчеркивают осознанность совершаемого героем выбора, его верность идеалу.

Бинарности экзистенциального мышления соответствует и антитетичность создаваемого в произведениях художественного мира, реализующаяся в произведениях татарских писателей начала XX в. как

прием, запечатлевающий контрастность понятий, характеров, психологических состояний, ситуаций. В произведениях Ф.Амирхана, Г.Рахима, Ш.Камала, М.Ханафи, А.Тангатарова, Г.Губайдуллина, Ш.Ахмадиева и др. выделяются несколько уровней контрастного изображения мира. Во-первых, это антитетичность философско-поэтического типа: добро – зло, действие – рефлексия, красота – уродство, вера – рассудок, дух – тело, юность – старость, мгновение – вечность, жизнь – смерть и т.д.

В рассказе Г.Рахима «Серле-серле экият» («Загадочная сказка», 1913) мечта царевичей познать истинную красоту, сменяющаяся жестоким разочарованием при виде появившейся перед ними состарившейся сгорбленной царевны, репрезентирует мысль о том, что человек, ищущий смысла существования, посвящающий себя поиску призрачной истины, в конечном итоге лишает свою жизнь какого-либо смысла вообще. В рассказе М.Гафури «Бу кемнең кабере?» («Чья это могила?», 1913) герой, делая разные предположения о похороненном человеке (ханская дочь, великий полководец), обращаясь с вопросом то к камню, то к деревьям, пытается связать мгновение, переживаемое в настоящем времени, с моментами, уходящими в вечность, которая, в свою очередь, не имеет ни начала, ни конца и вообще свободна от всех условий времени.

Во-вторых, прослеживается антитетичность образов и мотивов (рай – ад, небо – земля, буря – покой, звук – безмолвие, взгляд – слепота и т.д.). Так, в повести «Чайки» через антиномию «небо – земля» реализуется стремление автора противопоставить судьбу рыбаков, приехавших на берега Каспийского моря в поисках заработка и «счастья», вольным чайкам, парящим на просторах стихии, способным подняться ввысь и обрести истинную свободу. В рассказе Ш.Ахмадиева «Кеше» («Человек», 1913) человек дается в двойственном освещении: за внешним совершенством его скрывается глубокая противоречивость натуры, доходящая до уровня драматизма отдельной судьбы и трагедии человеческого существования в целом.

Проблемы, принципиальные для экзистенциального сознания (катастрофичности бытия, онтологического одиночества, отчуждения человека от природы и собственного «я», смысла жизни, жизни и смерти), раскрываются через различные приемы психологического анализа: внутренние монологи, поток сознания, психологическое повествование и описание. В рассказах А.Тангатарова «Хэят мәжһүл» («Бытие непознаваемо», 1915), «Хыял түгел» («Не мечта», 1916), «Ни ул?» («Что это?», 1913), М.Ханафи «Гакылсызлыктан» («В пространстве безумия», 1914), Г. Рахима «Эч пошканда» («Когда беспокойно», 1913) стилистической доминантой является субъективированное повествование от лица героя. Так, в нэсере «Хэят мәжһүл» («Бытие непознаваемо», 1915) А.Тангатарова в философских размышлениях героя воспроизводится его эмоционально-мыслительная деятельность в ее непосредственном протекании. Совмещение в едином потоке речи повествовательной формы с формами рассуждений,

употребление экспрессивно окрашенной лексики, междометий, разговорно-экспрессивных конструкций, передающих состояние душевного напряжения, позволяют зафиксировать результаты собственного мыслительного процесса и оценки собственного поведения. В рассказах А.Тангатарова складывается такая ситуация, когда в монолог-исповедь включается поток сознания, а именно совокупность чувственных образов и мыслительных реакций человека на непосредственно воспринимаемую им действительность, разрушающая любые логические и мотивационные связи, передающая движение мыслей героя и динамику его чувств.

Таким образом, экзистенциальные темы в татарской литературе порождены, с одной стороны, размышлениями («стенанием») о состоянии татарского общества, стремлением к возрождению национального самосознания, и в то же время, наряду с концептом этнической идентификации, актуализируется концепт отчаяния и беспокойства за судьбу отдельного человека и судьбу человечества.

Экзистенциальный тип сознания взаимодействует с характерными для поэтики модальности процессами жанрового освобождения, совмещения в пределах одного произведения различных и порой разнородных жанрово-стилистических традиций. Результатом этого процесса стало формирование межжанровых явлений – «смешение жанров»³³, обращение к нэсеру как синтетическому жанру, включение татарскими писателями в повествование притчевых мотивов, иносказательных элементов. Это происходит в связи с тем, что произведение экзистенциальной ориентации стремится к структурированию себя не по жанровым признакам, а по параметрам метасодержательной категории³⁴. Сделан вывод о том, что нэсер – жанр, в котором соединяются различные формообразующие тенденции, наиболее органично отражает художественно-эстетическую природу модернизма в татарской литературе.

Во второй главе **«Принципы организации субъектной сферы в модернистских произведениях 1-й трети XX века»** на материале романа А.Белого «Петербург» и повести Г.Рахима «Идель» (раздел **«Субъектные формы выражения авторского сознания в романе А.Белого «Петербург» и повести Г.Рахима «Идель»»**), а также рассказов А.Тангатарова и М.Ханафи (раздел **«Жанровое своеобразие произведений А.Тангатарова и М.Ханафи»**) определяются структурно-содержательные особенности модернистских произведений, проявляющиеся на уровне их субъектной архитектоники.

Установлено, что в русской и татарской прозе начала XX в. обнаруживаются сходные тенденции в организации субъектного пространства – субъект речи наделяется новыми художественно-эстетическими функциями, создается интегральный образ героя, который не

³³ Загидуллина Д.Ф. Модернизм в татарской литературе первой трети XX века. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2013. – С. 21.

³⁴ Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. – М.: Изд-во «Флинта», изд-во «Наука», 2002. – 302 с.

имеет отчетливых пределов, отделяющих его от повествователя. В романе А.Белого «Петербург» складываются такие субъектные формы, основой которых является не аналитическое различие «я» и «другого», а их нерасчленимая интерсубъектная целостность, происходящая благодаря открытию диалогической природы сознания и того, что реальной формой бытия человека является двуединство «я» и «другого». В повести Г. Рахима «Идель» переживания, своеобразие мышления персонажа-рассказчика сближены с авторским сознанием. Это находит свое выражение в ритмико-интонационной организации текста, в возрастающем экспрессивном напряжении речи, в принципах передачи чужого слова. Авторское начало дает о себе знать в области осмысления историко-философских вопросов, поднятых в повести. Духовные искания персонажа, его взгляды на жизнь совпадают с воззрениями автора, который вкладывает в высказывания героя собственный культурно-исторический и биографический опыт. Таким образом, внутренний мир «я» и «другого» воспроизводится в их одинаковой причастности Богу и миру

Татарские писатели стремятся применять в своём творчестве новые, ранее не используемые художественные приемы и методы, проводят эксперименты в области художественной формы, создают нетрадиционные по стилю и жанру произведения. Принципы и приемы создания интегрального образа субъекта речи, в котором нет противопоставления и принципиального разграничения «я» и «другого», ярко проявились в произведениях А. Тангатарова и М. Ханафи, написанных в жанре нэсера. Нэсер у писателей-модернистов имеет специфические особенности. Повествователь (рассказчик) в жанре нэсер – одновременно и субъект и объект изображения, субъект-в-себе и субъект-для-себя, образ-личность и образ-характер. В нем присутствуют черты гротескного образа, основной признак которого – «отсутствие внешних его границ, создаваемых авторским сознанием»³⁵.

В нэсере воплощаются разные типы эмоционально-ценностных ориентаций: сентиментальной, элегической, драматической и др. Прежде всего создается элегический модус художественности, предстающий в модернистских нэсерах как предельная внутренняя сконцентрированная самоуглубленность «я», его устремленность от событийных границ, взаимодействующая с драматизмом как таким видом эстетического отношения, смыслопорождающей энергией которого является «энергия страдания»³⁶.

В рассказах М.Ханафи «Гакылсызлыктан...» («В пространстве безумия...», 1914), «Мин төш күрдем!» («Я видел сон», 1913) и А.Тангатарова «Өмет алдында» («До надежды», 1914), «Ни ул?» («Что это?», 1913), «Мине югалткан иптэшләремә...» («Потерявшим меня друзьям...», 1917) складывается своеобразная «форма жанровой модальности»,

³⁵ Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. - М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. - С. 51.

³⁶ Тюпа В.И. Художественный дискурс: (Введение в теорию литературы) / В.И.Тюпа. – Тверь, 2002. – С. 49.

сочетающая в себе элементы элегичного раздумья (медитативная и меланхолическая манера изложения мыслей и чувств), экзистенциальные откровения (размышления о жизни и смерти, о смысле жизни и т.д.), исповедь, диалогически соотносимые как пределы художественного целого.

В третьей главе **«Пограничные» явления в национальном историко-культурном процессе** на материале произведений Ш.Камала и Ф.Амирхана, в которых осуществляется синтез принципов и приемов реалистической и модернистской поэтики, исследуется художественно-эстетическая природа внутрилитературного синтетизма. Диалогизирующим фоном, помогающим выявить специфику данного явления в татарской литературе, выступают произведения Л.Н.Андреева и И.А.Бунина.

В разделе **«Роман Ф.Амирхана «На перепутье»: особенности психологического изображения»** рассматривается взаимодействие принципов реалистического изображения характеров и обстоятельств с приемами модернистского письма, проявляющимися в особенностях организации субъектной сферы произведения, пространственно-временных отношениях, запечатленных в тексте, а также в изображении «я» родового человека, существующего на уровне первичных реакций и пытающегося осознать свои онтологические, психологические и метафизические пределы.

На материале повести Ш.Камала «Чайки» (параграф **«Произведения Ш.Камала: принципы и приемы субъективного «пересоздания» мира»**) определяются принципы и приемы субъективного «пересоздания» мира в модернистском духе. Выявляется роль пейзажных описаний, сказочно-мифологических образов и мотивов, форм психологического изображения, используемых писателем, в создании иносказательно-аллегорической тенденции в повествовании и формировании глубинного философско-метафизического содержания произведения. Образы моря, чаек, рыб, служащие, на первый взгляд, лишь фоном всего повествования, представляют мир в его целостности и естественности, и в этом смысле приобретают значение самостоятельного и даже доминирующего плана в системе художественного повествования. Символический пласт наполняет реалистические эпизоды и романтическую историю любви Гарифа и Газизы универсально-всеобщим смыслом, выступает способом корреляции индивидуального, личного бытия с вечным и бесконечным.

В рассказе Ш.Камала «Курай тавышы» («Голос курая», 1912) в центре внимания оказываются те психические процессы, которые представляют собой нечто субъективное, относящееся к данной личности: воспоминания, ассоциации, образы, поток фантазий, игра воображения, интуитивные душевные движения. С одной стороны, перед взором читателя предстают реалистические картины из жизни мальчика-сироты. С другой – наполненная повседневными реалиями деревенская жизнь преобразуется в воображении ребенка. Музыка, пейзажные описания, сказочно-мифологические образы и мотивы выводят сознание героя за пределы

сиюминутного существования, напоминают ему о прошлом, открывают будущее.

Итак, синтезируя элементы, принадлежащие разным художественным системам, писатели создают многомерную образную систему, в которой действуют такие силы художественной интеграции, как символическое обобщение, жанровая гибридность произведений, лирическая ориентация повествования, драматизация текста и др.

В четвертой главе **«Символ как онтолого-гносеологическая категория в произведениях русских и татарских модернистов»** выявляются специфика символа, его структурно-содержательные особенности и закономерности функционирования в произведениях татарских и русских модернистов.

В разделе **«К теории символа: пути осмысления»** сопоставляются основные положения теории символа в трудах русских и татарских поэтов, писателей, критиков, литературоведов (А.Белого, Вяч.Иванова, В.Брюсова, Г.Сагди, Г.Нигмати и др.). В татарской общественно-литературной мысли проблема символизма получает не столько теоретико-методологическое осмысление, как в русской критике и эстетике начала XX века, сколько конкретно-историческую и художественно-эстетическую интерпретацию. Выделяются типологические черты модернизма, определяется его отличие от реализма, предлагается типология модернистских течений («восточный» и «западный» типы модернизма, выделенные Г.Сагди), предпринимаются попытки выявить национально-специфические черты модернистских литературно-художественных явлений. Наиболее значимыми для осмысления модернизма как явления татарской литературы стали труды Г.Сагди «Символизм турында» («О символизме», 1932), Г.Нигмати «Әдәбият мәйданында» («На литературной арене», 1925).

Раздел **«Семантическая структура символических образов в произведениях татарских писателей: к постановке проблемы»** посвящен исследованию символа с разных точек зрения: как одного из центральных понятий философии и эстетики, обладающего определенными свойствами и поддающегося классификации (А.Ф.Лосев); как семиотического образования (Ю.М.Лотман); как художественно-эстетической конструкции, заключающей в себе разнонаправленные значения, предполагающей одновременную ориентацию на традицию и отрицание классического наследия (Л.А.Колобаева). На основе исследований востоковедов (А.В.Смирнова, Н.И.Чалисовой, А.Б.Куделина, Ш.Шукурова, Н.И.Пригариной, Л.Масиньона и др.) устанавливается художественно-эстетическая природа символа в восточных литературах, определяется его отличие от устойчивых структурно-семантических комплексов в русской литературе. Исследования отечественных литературоведов (Д.Ф.Загидуллиной, В.Р.Аминовой, А.М.Саяповой, Т.И.Мирсияповой и др.) направлены на изучение символа как «культурного синтеза» реалистического, мифологического, романтического,

экзистенциального и других типов мышления и сознания, в тесной связи с поэтикой художественного текста.

Раздел **«Традиционные и индивидуально-авторские символы: пути трансформации»** состоит из двух параграфов. В первом – **«Устойчивые структурно-содержательные комплексы в прозе татарских писателей 1-й трети XX в.: особенности функционирования»** рассматриваются семантическая структура и семиотический статус устойчивых структурно-семантических комплексов в произведениях М.Ханафи, Г.Губайдуллина, Н.Думаи, Г.Рахима и др. Татарские писатели используют в своем творчестве традиционные символы, вкладывая в них качественно новое, интерпретируемое в духе нового времени и новой философии значение. Так, в нэсерах «Бер гөл бакчасында» («В цветущем саду», 1915) М.Ханафи и «Яшь ана» («Молодая мать», 1914) Н.Думаи происходит переосмысление традиционного образа-символа сада в соответствии с особенностями мироощущения человека начала XX в., воспринимающего мир во всей его хаотичности и двуплановости: образ сада в этих произведениях сопряжен с мотивами отчуждения, одиночества, отчаяния, страдания человека. Темы смерти, несчастной любви и иллюзорности счастья у М.Ханафи и семантика одиночества, сиротства, страдания безгрешной детской души у Н.Думаи придают этому символу негативную окраску, наполняют трагическим звучанием.

В рассказе Г.Губайдуллина «Әкиятләрдән берсе» («Одна из сказок», 1914) в идее Красоты заключено не просто возвеличивание человека, его духовное и физическое совершенство, а утверждение красоты земного существа как силы, способной вдохновлять, возрождать, дарить наслаждение. Символ красоты получает двойственное значение: с одной стороны, красота души проявляется в желании человека постигнуть истину через любовь к Богу; с другой – высказывается идея о том, что истинная красота достижима человеком только через познание земной, греховной любви. И тогда идея красоты воплощается в облике земной женщины.

Художественный мир произведения Ш.Ахмадиева «Кеше» («Человек», 1913) выявляет многомерный взгляд на человека. В рассказе совершенству человека, воспетому в духе одической традиции (гиперболизация, торжественно-панегирический стиль, принцип эмоциональной градации и т.д.), противопоставлены присущие человеческой природе пороки – страх перед неизвестным и необъяснимым, бессилие в противостоянии судьбе, уязвимость. Воспетый автором в гимне человек как венец природы, богоподобное существо, чьи достоинства и заслуги гиперболизированы, низвергнут, осмеян и обличен в конце произведения.

В параграфе **«О разграничении классической и неклассической форм видения мира: на примере произведений М.Ханафи «Айсылу» и Ф.Амирхана «Девушка Зухра на луне»»** сопоставление произведений Ф.Амирхана и М.Ханафи делает возможным выделить признаки, которые

позволяют разграничить явления романтизма и модернизма в татарской литературе этого периода.

В татарской литературе первой трети XX века актуализируется такой «первофеномен» нарративных жанров, как притча. Писатели используют традиционный сюжет о жизни девушки, притесняемой злой мачехой. И Зухра, и Айсылу, изгнанные под покровом ночи к реке за водой, просят помощи и утешения у ночных светил и Бога. М.Ханафи усложняет традиционный сюжет – вводит любовный мотив, который трансформирует традиционный сюжет, наполняя его экзистенциальным смыслом. В рассказе М.Ханафи акцент сделан не на земных страданиях героини, а на несостоявшемся возможном счастье Айсылу, ее готовности и дальше терпеть тяготы земной жизни, если есть любящий ее человек. Кульминационным является момент, когда в едином пространственно-временном континууме сталкиваются отчаяние юноши и радость девушки от услышанного, надежда на счастье и осознание тщетности всех усилий, душевный огонь героев и холодность, молчание луны. Мотив несостоявшейся любви, идея невысказанности главных слов, обретение желаемого путем потери истинного – всё это позволяет по-новому осмыслить традиционный сюжет и говорить о качественно ином восприятии мира автором. Текст наделяется спектром разнообразных аксиологических значений, прочитываемых в контексте новой философии бытия и позволяющих рассматривать данное произведение как явление модернизма в татарской литературе.

В **заключении** обобщены результаты исследования и сформулированы основные выводы, намечены перспективы дальнейшего исследования.

1. В татарском модернизме, как и в русском, в полной мере находит свое воплощение неклассическое видение мира, центром которого становится личность, осознающая разрыв субъективного и объективного, некое своеволие человеческого поведения, относительность истины и т. д. Но в татарской литературе, писатели, обращающиеся к изображению такой личности, осмысливают также меру ее личной свободы и нравственной ответственности.

Своеобразие модернизма в татарской литературе и культуре определяется рядом факторов, объясняющих особенности формирования рассматриваемого феномена в национальных литературах. Модернизм в татарской литературе возникает в контексте размышлений о развитии национальной культуры, формирует новое понимание культуры, воздействует на формирование нового типа личности.

2. Зарождение татарского модернизма происходит в процессе диалога с русской и западноевропейской культурами и литературами, что выразилось в приобщении татарской литературы к мировому литературно-художественному движению. В то же время действуют эстетически имманентные факторы национальной идентичности художественных произведений, проявляющиеся на уровне принципов и приемов

художественного обобщения, жанрово-композиционной и образной структуры текстов, форм и приемов выражения авторской позиции.

3. Экзистенциальные темы в татарской литературе порождены, с одной стороны, размышлениями («стенанием») о состоянии татарского общества, стремлением к возрождению национального самосознания, и в то же время наряду с концептом этнической идентификации актуализируется концепт отчаяния и беспокойства за судьбу отдельного человека и судьбу человечества.

4. Экзистенциальный тип сознания в татарском модернизме находит выражение на разных уровнях художественной структуры текстов. Фрагментарный принцип построения композиции отражает представление о мире как о пространстве разрывов и фрагментов, о бесконечности и стихийности бытия. Диалектическое взаимопроникновение и сочетаемостные возможности разных явлений: добра – зла, жизни – смерти, счастья – несчастья и др. раскрываются через прием антитезы.

5. Поворот к эстетической свободе, ощущение независимости от каких-либо канонов, поиски новых способов самовыражения определили переход к новым принципам жанрового самоопределения в модернистском творчестве. Результатом этих изменений в татарской литературе стали развитие синтетических жанровых единиц (нэсер), сочетание в пределах одного произведения разнонаправленных модусов художественности, новые принципы организации субъектного пространства, новые принципы и приемы психологического изображения.

6. Для субъектной сферы произведений татарских писателей, как и русских художников слова, характерны слияние и взаимопроникновение субъектных планов автора и героя, преодоление диктата повествователя, изображение картин мира в изменчивых субъективных преломлениях персонажей. Сходные принципы организации субъектного пространства в проанализированных произведениях русских и татарских писателей имеют разную художественно-эстетическую природу и выполняют разные функции.

7. В творчестве татарских писателей начала XX в. традиционные символические образы наполняются новым семантическим звучанием, чаще всего противоположным его классической трактовке.

Перспективой развития данной темы может быть обращение к сравнительному и сопоставительному исследованию модернизма в других национальных литературах (тюркоязычных, литературах республик Поволжья), восточных литературах (китайской, японской и др.) и создание зональной и региональной типологии модернизма.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

***Статьи, опубликованные в журналах, рекомендованных ВАК
Министерства образования и науки РФ:***

1. Ибрагимова Л.Г. Особенности организации субъектной сферы в произведениях А.Белого и татарских писателей (А.Тангатарова и М.Ханафи): сопоставительный анализ / Л.Г.Ибрагимова // Знание. Понимание. Умение. Научный журнал Московского гуманитарного Университета. – 2012. – № 4. Фундаментальные и прикладные исследования в области гуманитарных наук. – М.: Изд-во МГУ, 2012. – С. 196-199.
2. Ибрагимова Л.Г. Вопросы символизма как явления национального историко-литературного процесса в критике и литературоведении начала XX века / Л.Г.Ибрагимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 2 (32): в 2-х ч. – Ч. 2. – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 96-99.
3. Ибрагимова Л.Г. Традиционные и индивидуально-авторские символы в татарской литературе первой трети XX века / Л.Г.Ибрагимова // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова. – 2014. – № 2. – Кострома, 2014. – С. 130-134.
4. Ибрагимова Л.Г. «Пограничные явления» в национальном историко-литературном процессе (на примере повести Ш.Камала «Чайки») / Л.Г.Ибрагимова, В.Р.Аmineва // Филология и культура. – 2013. – № 3 (33). – Казань: Ихлас, 2013. – С. 158-163.
5. Ибрагимова Л.Г. Синтетизм как явление национального историко-литературного процесса / Л.Г.Ибрагимова, В.Р.Аmineва // Филология и культура. – 2014. – № 2 (36). – Казань, 2014. – С. 80-89.

Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов:

6. Ибрагимова Л.Г. Проблема модернизма в национальных литературах / Л.Г.Ибрагимова // Сопоставительная филология и полилингвизм: материалы Международной научной конференции. – Казань, 2010. – С. 257-259.
7. Ибрагимова Л.Г. Особенности организации субъектной сферы в повести Г.Рахима «Идель» / Л.Г.Ибрагимова // Текст. Произведение. Читатель: материалы II Всероссийской научной конференции. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2011. – Вып.2. – С. 154-157.
8. Ибрагимова Л.Г. Модернизм в русской и татарской литературах / Л.Г.Ибрагимова // Языки и литературы народов Поволжья: проблемы межкультурной коммуникации: сборник трудов I Всероссийской Интернет-конференции с международным участием. – Казань: Изд-во «Казанский ун-т», 2012. – С. 59-61.
9. Ибрагимова Л.Г. «Классическая» и «Неклассическая» картины мира в сопоставительном изучении национальных литератур / Л.Г.Ибрагимова // Студенты и аспиранты Института филологии и искусств в научном поиске: сборник статей. Казань: Изд-во КФУ, 2012. – Вып.2. – С. 102-106.

10. Ибрагимова Л.Г. Модернизм как явление татарской литературы в трудах Г.Сагди / Л.Г.Ибрагимова // Актуальные вопросы в научной работе и образовательной деятельности: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции 31 января 2013г. : в 13 ч. – Тамбов: Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2013. – Ч. 11. – С. 49-50.
11. Ибрагимова Л.Г. Особенности функционирования механизмов смыслопорождения в культуре разных народов / Л.Г.Ибрагимова // Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей: материалы III международной заочной научно-практической конференции 1 июня 2013 г. – Казань: КГМУ, 2013. – С. 17-23.
12. Ибрагимова Л.Г. Функция мифопоэтических образов и мотивов в произведениях Ф.Амирхана и М.Ханафи: к вопросу о разграничении романтизма и модернизма / Л.Г.Ибрагимова // Кормановские чтения: статьи и материалы Межвузовской научной конференции (Ижевск, апрель, 2014). – Ижевск: Удмуртский ун-т, 2014. – Вып. 13. – С. 124-127.
13. Ибрагимова Л.Г. Типы субъектных ситуаций в романе А.Белого «Петербург» и повести Г.Рахима «Идель» / Л.Г.Ибрагимова, В.Р.Аминева // Научный Татарстан.– 2012. - № 3. Гуманитарные науки. – Казань: «Фэн» АН РТ. – 2012. – С. 141-153.
14. Ибрагимова Л.Г. «Чайки» Ш.Камала: к вопросу о специфике художественного метода / Л.Г.Ибрагимова // Научный Татарстан.– 2013. – № 3. Гуманитарные науки. – Казань: «Фэн» АН РТ. – 2013. – С. 120-127.
15. Ибрагимова Л.Г. Концепция модернизма в национальных литературах / Л.Г.Ибрагимова // Язык в контексте межкультурных и национальных взаимосвязей: материалы III международной заочной научно-практической конференции 1 июня 2014 г. – Казань: КГМУ, 2014. – С. 191-199.